

в *Боя гостиничного*. Есть и эквивалентные решения «от противного» – так, *Master of Bonnets and Hoods*¹ стал *дамским Башмачником*. Подлинными переводческими удачами можно считать перевод имен таких персонажей, как *Barrister* (Адвокат) и *Butcher* (Мясник). Первый стал *Бюрократом*, второй – *с бойни Бойцом*.

И вот эта разбитная компания, гордо именуемая себя «экипажем» (благо, английское *crew* можно толковать по-всякому) отправляется на поиски таинственного Снарка. Путешествие выбрано не из легких, и, следуя логике абсурда, сразу объявлю о развязке: никакого Снарка они не найдут, а для кого-то из членов экипажа путешествие станет последним.

Переводчик хмурится, гневается, пугается, переживает и очень редко улыбается, совсем как персонажи Кэрролла. Он совсем не позволяет себе сюсюкающих интонаций, мол, посмотрите, как тут все беззаботно и по-детски. Куда уж беззаботней, когда произведение имеет подзаголовок, кстати, очень четко определяющий жанр: «*an Agony in Eight Fits*»⁴. Жердев пользуется не традиционным значением слова *agony*, а неологизмом – «агоний». Здесь слышится не только «агония», но и греческий «агон», т. е. трагическое «состязание». Тем самым происходящему придается пафос вселенской борьбы и одновременно налет интеллектуализма. На мой взгляд, так и есть, сюжет «Снарка» – греческая трагедия, рассказанная языком английского нонсенса.

¹ Демурова Н. О степенях свободы. Перевод имен в поэме Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» // Альманах переводчика. М., 2001. С. 45.

² Коридорный, слуга (англ.).

³ Мастер по дамским шляпкам (англ.).

⁴ Дословно: «Агония в восьми...». Слово *fit* с английского можно переводить по-разному: это и «припадок», и «приступ», и «порыв», и «вспышка эмоций». Соответственно переводчики используют разные подходы к определению жанра произведения.

Л. Кэрролл

ОХОТА НА СНАРКА

Агоний в восьми порывах

Порыв первый

Высадка

«Здесь убежище Снарка!» – так Боцман кричал,
Выгружая команду любезно
(Он за волосы каждого крепко держал,
Чтоб никто не обрушился в бездну).

«Здесь убежище Снарка! Применим повтор,
Чтоб надеждой зажечься могли вы!
ЗДЕСЬ УБЕЖИЩЕ Снарка! Твержу с давних пор:
Все, что сказано трижды, – правдиво!»

Вся команда на месте – полней не сыскать:
Бой Гостиничный, дамский Башмачник,
Бюрократ – чтобы споры меж них разрешать;
Брокер – вестник торговой удачи,

Биллиардный маркёр, чья гигантская мощь
Применения не находила,
И Банкир, что был нанят за ломаный грош,
Чтоб безденежье им не грозило.

И Бобер, что по палубе мерно шагал,
Иль вязал, или ел за двоих.
Всю команду не раз он от бедствий спасал –
Ах, узнать бы еще, от каких!

Был там некто, забывший на берегу
Невозможную гору вещей –
Драгоценности, зонтик, часы и слугу,
Башмаки и двенадцать плащей.

Тридцать три сундука он привез на причал
(Все – подписанные аккуратно),
Но, поскольку об этом, увы, умолчал,
Их с причала послали обратно!

Кое-что он, конечно, с собой захватил –
Слая три иль четыре одежи;
Но, к несчастью, он имя свое позабыл –
И фамилию, кажется, тоже.

Отзывался на «Эй!» или просто на крик –
Вроде «Жарь!» или «Влево не двигай!»,
И на «Как, бишь, вас там...», и на «Слушай, старик!»,
И охотно – на «Спляшем-ка джигу!».

Тот же, кто предпочтет посильнее слова,
Может выбрать из этого списка:
Для приятелей – скажем, «Сорви-голова»,
Для врагов – вероятно, «Редиска».

«Он весьма неуклюж, он, увы, туповат, –
Так говаривал Боцман не раз. –
Но в охоте на Снарка важней во сто крат
Та отвага, что пышет из глаз!»

Все видали, как он на волков выходил.
Лишь с улыбкой от уха до уха
И под руку с медведем по лесу бродил –
Для поднятия медвежьего духа.

Он как Булочник взят был в далекий поход, –
Но однажды признался с опаской,
Что умеет он печь только Свадебный Торт,
Для чего не имелось припасов.

На последнего бросим попристальной взгляд:
Хоть он был с головою не дружен,
Лишь о Снарке была его мысль, говорят,
Для охоты ж других и не нужно.

Был он с бойни Боец, но заметил он вскользь
Через месяц после отплытия:
Мол, одних лишь Бобров ему *бить* довелось
(Что для Боцмана было открытием;

Лепетал он, слова подбирая с трудом,
Что Бобров на борту не найдется,
Лишь один, но ... ручной, и послушный притом –
Стало быть, его *бить* не придется!).

А Бобер, услышавши такие слова,
Заявил им, в слезах и в запале,
Что и счастье охоты на Снарка едва
Ли излечит от травмы моральной.

Он потребовал, чтобы Боец раздобыл
Где-нибудь *персональное* судно;
Впрочем, Боцман сей план на корню зарубил
Как беспочвенный и безрассудный.

Ведь немалого стоит труда управлять
Даже только одним кораблем,
И поэтому сразу за ДВА отвечать
Не решился бы он нипочем!

Чтобы шкуру спасти, наш Бобер заказал
Три кольчуги искуснейшейковки
(Так советовал Булочник) и подписал
Впопыхах договор о страховке

(По совету Банкаира, который принес
За отнюдь не кошмарную цену
Два отличнейших Полиса: первый – от гроз,
И второй – от провала на сцене).

Но, увы! Позабыть об угрозе нельзя!
И, Бойца обнаруживши рядом,
Наш Бобер, опуская в смущенье глаза,
Сразу к выходу пятился задом.

Порыв второй **Речь Боцмана**

Капитан их Живой воплощал Идеал:
Столько грации, легкости, ласки –
И величья печать! Так что каждый признать
Мудрецом его мог без опаски.

Он на рынке купил карту южных морей –
Лишь моря, без земли, без дорог.
В целом мире не видели карты *синей*,
И понять ее каждый бы смог.

«Это вам не Меркатор! Что нам Полюс, Экватор!
К черту Тропик и Меридианы!
Этих фикций нигде не найдешь на воде
(Как случилось кричать Капитану)!»

«В прочих картах порядка – чересчур! Без остатка
Все заполнено в них островами!
Капитану – награду! Это то, что нам надо:
В безграничность плывем мы с вами!»

Но открылось неожиданно, что у их Капитана
(Что командовал первый сезон),
Чтоб прокладывать курс, был один лишь ресурс –
Колокольный размеренный звон.

И приказы, что он отдавал по пути,
В их умах порождали разброд,
Ибо «Вправо крути, но левее верти!»
Ни один рулевой не поймет.

Здесь местами менялись бушприт и штурвал –
Что не редкость в этих широтах,
Если судно (как Боцман их всех уверял)
«Оснаркуются» при повороте.

А увидев, как рвет буря стаксель и грот,
Молвил Боцман с надеждою: «Все ж,
Если ветра поток повернет на восток,
То НА ЗАПАДЕ нас не найдешь!».

Обошлось без потерь, и на берег теперь
Выгружают они чемоданы,
Но скалистый пейзаж вызывает мандраж,
Да и пропасти что-то не манят.

Ощутив это, Боцман немедля изрек,
Подсобрав остроумия крохи,
Пару шуток, что к Черному Дню приберег –
Но добился лишь скорбного вздоха.

Он отмерил им грогу глубоким ковшом
И кружком усадил на песок,
И пришлось им признать, что глядит он орлом
И что стиль его речи высок:

«О сограждане! Вольного Рима народ!»
(Без цитат как без рук мы порой;
Впрочем, *эту* все поняли как анекдот
И решили налить по второй.)

«Много месяцев, много недель мы в пути
(По четыре на месяц, заметим!),
Но пока не смогли мы от Снарка найти
Ни следа, ни черта, ни привета!

Да, немало недель, да, немало и дней
(Предположим, по семь за неделю),
Но не сделался Снарк ни на палец ясней,
Хоть мы все уж глаза проглядели!

Так послушайте ж, братья, как я вам без изъятья
Укажу пять вернейших примет,
По которым на глаз угадаете враз,
Снарк пред вами – или же нет.

Приступаем! Во-первых, конечно же, *вкус*,
Что изыскан, но чуть простоват –
Например, как слегка тесноватый картуз,
Издающий чудной аромат.

Снарк престранный обычай в быту заведет
(Во-вторых, нам отметить нужно):

Вместо полдника завтрак себе подает,
А обед – только завтра на ужин.
В-третьих, шутки всегда понимает с трудом –
Коль над ним подшутить вы рискнете;

Он повсюду гуляет с печальным лицом,
И его мрачноваты остроты.
А в-четвертых, – к купальным каретам любовь:
Снарк об этом посплетничать мастер,

Их считая уместными в сцене любой
(Что сомнительно даже отчасти).
Оптимизм – это пятое. Ну а теперь
Разновидности Снарков укажем.

Отличают усатых – рычащих, как зверь,–
От пернатых, что клювами машут.
Большинство – безопасны. Но требует долг
Вам напомнить: среди них, по слухам,

Есть и Буки!», – тут Боцман прервал монолог,
Так как Булочник в обморок рухнул.

Порыв третий **История Булочника**

Всей командой его приводили в себя –
И горчицей, и булочкой сладкой;
Кучу добрых советов давали любя
И опять довели до припадка.

Оклемавшись, решил он поведать сполна,
В чем причина упадка духа,
И потребовал Боцман от всех: «Тишина!»,
Повелительно в колокол бухнув.

И умолкла волна, и застыл сухой,
Выполняя послушно приказ,
Когда тот, что известен под именем «Эй!»,
Начал свой невеселый рассказ.

«Был рожден я в приличной, но бедной семье...» –
Крикнул боцман: «Отставить пролог!
Надвигается тьма! Будет сложно весьма
Разобраться со Снарком в срок!»

«Без сомнения, ах! – “Эй” ответил в слезах. –
Пропустить я полвека не прочь
Вплоть до часа, когда к вам поднялся на борт,
Чтоб с Охотой и Снарком помочь.

Милый дядя, чье имя я гордо ношу,
И что мудр, как Дельфийский Оракул...» –
«Пропустите о дядюшке, я Вас прошу!» –
Крикнул Боцман и в колокол звякнул.

«Говорил он порой, – продолжал наш герой, –
Снарк *доподлинный* – редкая птица.
Если вправду найдешь – он и к зелени гош,
И в добыче огня пригодится.

Так ищите ж в наперстках его и в слезах,
И преследуйте с вилкой и с пылом,
Угрожайте, что грянет Финансовый Крах,
И чаруйте улыбкой и мылом».

«Метод верен, нет слов! – забегая вперед,
Ляпнул Боцман неосторожно.–
Я всегда утверждал, что за Снарком поход
Лишь такую дорогой возможен!»

«Но, *сияльный* племянник! Коль в горестный день
Снарк окажется Букой – понятно,
Ты внезапно-валяжно исчезнешь, как тень,
Чтоб вовек не вернуться обратно.

Да, вот это, вот это на сердце лежит,
Вот последствия дядиных слов;
И трепещет душа и, как пудинг, дрожит,
Наполняющий чашу весов!

Да, вот это...» – «Довольно, мой друг, повторять!» –
Молвил Боцман ему раздраженно.
Но в ответ ему Булочник: «Дайте ж сказать!
Это – то, чем мой дух поражен!

Оттого, оттого я не спал в эту ночь!
Ведь в кошмарных ночных поединках
Мнится: с зеленью Снарка пытаюсь толочь
И огонь зажигаю о спинку!

Но, коль встречу я Буку – в тот горестный день,
Несмотря на отвагу и прыть,
Я внезапно-валяжно исчезну, как тень, –
Я не в силах об этом забыть!»

Порыв четвертый **Охота**

Рывкнул Боцман (исчерпан терпенья запас!):
«Что ж ты раньше молчал, обормот!
Много ль пользы – сказать нам об этом сейчас,
Если Снарк, так сказать, у ворот!

Так что будет, конечно, не наша вина,
Если Вы *не вернетесь обратно*:
Ведь, в конце-то концов, в первый день, старина,
Вы могли б объяснить это внятно!

Много ль пользы – сказать нам об этом сейчас,
(Возвращаюсь я к прежним словам)?!»
«Эй!» вздохнул обреченно: «Не в первый я раз
Все, что знаю, рассказывал Вам!

Обвиняйте в убийстве, в уменье читать –
Что ж, без слабостей несть человек! –
Но не смейте притворством меня попрекать –
Не грешил им нимало от веку!

Я об этом на греческом Вам говорил,
На немецком, китайском, иврите –
Но, увы! Я, признаться, совсем позабыл
То, что Вы на них НЕ говорите!»

«Что ж, печально! – и, скорбь выражая свою,
Боцман вытер слезы канатом. –
Но уж раз Вы закончили повесть свою,
То пора завершаться дебатам.

Я поэтому вам своей речи финал
Доскажу как-нибудь на досуге;
Нынче ж *Снарк у ворот*, как я выше сказал,
Нам искать его следует, други!

Ищите в наперстках его и в слезах
Преследуйте с вилкой и с пылом,
Грозите, что грянет Финансовый Крах,
Чаруя улыбкой и мылом.

Принимает охота чудной оборот –
Не бывает со Снарком иначе!
Все, что знаете, смело пускайте вы в ход,
Все, что нет, – применяйте тем паче!

Ибо *Родина ждет*... – нет, достаточно слов:
Эта громкая фраза избита!
Приготовьтесь использовать – без дураков! –
Все, что вы припасали для битвы!»

И Банкир подписал незаполненный чек
И сменял серебро на банкноты,
Вынул Булочник баночку с краской для век
И ремень затянул до икоты.

Брокер с Боем на пару точилом звенит,
Заостряя кирку и слова;
А Бобер все не может унять аппетит
И все так же плетет кружева –

Хоть нисколько не рад был тому Бюрократ:
«Где же доблесть? Благие порывы?
Ваше Кружев Плетенье можно как преступленье
Расценить (прецеденты – в архиве)!»

Озверевший Башмачник достал арбалет,
Что собрали ему по заказу;
Биллиардный маркёр наточил, как стилет,
Кончик носа – и мелом намазал.

Но Боец, нацепив свой шикарный берет,
Заявил: «Я боюсь, господа,
Вся команда пойдет напрямиком *на обед*».
Буркнул Боцман: «Оставь! Ерунда!»

«Объясните же Снарку: я – малый незлой,
Если встретим его мы в походе!»
Проницательно Боцман кивнул головой
И ответил: «Смотря по погоде!».

И сквозило во взгляде Бобра торжество,
Ибо был так унижен враг
(Даже Булочник понял значение сего,
Хоть и был несусветный дурак).

Но, заметив слезу у Бойца на глазах,
Крикнул Боцман: «Сомненья забудь!
Даже лютый Джубджуб, неприкаянный птах,
Не заставит с пути нас свернуть!»

Порыв пятый **Наставление Бобру**

Искали в наперстках его и в слезах,
Преследуя с вилкой и с пылом,
Грозили, что грянет Финансовый Крах,
Чаруя улыбкой и мылом.

На закате Боец безрассудно решил
Поискать в одиночку удачи
И наметил каньон – в самый раз, для души:
Беспросветный, безлюдный и мрачный.

Но такая же мысль осенила Бобра,
И туда же направил он взгляд:
Был готов он в ущелье бродить до утра,
Да явился Боец невпопад!

Каждый думать пытался о Снарке одном,
Об Охоте и славной победе;
И, презрительно нос задирая торчком,
Делал вид, что не видит соседа.

Но тесней и тесней становился каньон,
Холодало, и хмурился вечер,
И казалось, что скалы, грозя с двух сторон,
Заставляют их сблизить плечи.

Тут пронзительный крик где-то в небе возник
(Видно, враг объявился в округе) –
И Бобер побледнел от ушей до хвоста,
А Бойцу стало дурно с испугу.

Он подумал о детстве, о школьных годах,
Что провел он в блаженной тоске;
Омерзительный крик отдавался в ушах,
Будто мелом по классной доске.

«Это голос Джубджуба!» – притопнул ногой
Тот, кого они звали «Тупицей».
«Как сказал бы наш Боцман о фразе такой,
Это – РАЗ! (подсчитай, пригодится).

Это почерк Джубджуба! Приятель, смотри:
Это – ДВА! (проверяй, я прошу).
Это песня Джубджуба! И – раз это ТРИ –
Доказательство сим завершу!»

Загибал добросовестно пальцы Бобер
И фиксировал каждое слово;
Но почуял, что смысла не видит в упор,
И решил разобраться в основах.

Было ясно: усилиям всем вопреки,
Ухитрился он сбиться со счета;
Но найти, в чем ошибка, средь пальцев руки
Ни в какую не мог отчего-то!

«Как сложить два с одним? Как добыть результат?
Как распутать из пальцев клубок?!»
Ах, в молодые года, что ушли навсегда,
Он сложение знал назубок!

«Делу можно помочь! – так Боец возгласил.–
Делу нужно помочь, я уверен,
Делу сможем помочь! Раздобудь-ка чернил,
Чтоб я смог объяснить на примере!»

Тут, в момент обернувшись, Бобер приволок
Пуда три канцелярских товаров.
Хоть Кошмарные Твари вокруг них на песок
Выползали из логовищ старых –

Но, увлекшись, на Тварей Боец не смотрел:
Рисовал он в четыре пера,
Объясняя примеры в популярной манере,
Что понятна была для Бобра.

«Для начала рассмотрим мы Три, а потом
Мы для ясности к Трем подбросим
Семь, и Десять, и все, что мы дальше найдем –
Вплоть до тысячи (минус восемь).

Результат мы разделим, как следует, на
Девять сот, Девяносто и Два.
И, отнявши семнадцать, постигнем до дна:
Математика ТРИЖДЫ права!

Этот метод, что ныне я представил в пустыне,
Проясняет настолько мой взгляд,
Что, имея ты мозги, я же – пару часов,
Ты без знаний ушел бы навряд!

Ведь сегодня насквозь мне постичь удалось
Все, что тайной покрыто глубокой,
И тебе без хлопот разжую я – и в рот –
Натуральной истории строки!»

И, увлекшись, продолжил Боец *просвещать*,
Хоть по нормам хорошего тона
Выдавать поученья без предудеомленья
Не дозволено в светских салонах:

«Да, о птичках! Джубджуб, неприкаянный птах,
Что страстям своим волю дает,
Столь безумен, что моду на всех парусах
Обгоняет на годы вперед.

Не умея запомнить навек, хоть убей,
Всех, кого хоть однажды приветит;
Он на сольных концертах стоит у дверей
И открытки автографом метит.

Он при жарке, случилось, приятнее пах,
Чем баранина, раки и пиво;
А хранить его нужно в моржовых клыках
Или, скажем, в бочонках из сливы.

Вскипяти его в стружках, и с клеем к тому ж,
Сконденсируй с блохой и сивухой,
Но симметрию тела ему не нарушь
И остро с ним придерживай ухо!»

Мог Боец продолжать от зари до зари,
Но прервал поучения вдруг
И, пуская в экстазе слезу, говорил,
Что Бобер ему – истинный друг.

А смущенный Бобер вдруг признался ему,
Опуская восторженный взор,
Что подобную пищу боброву уму
Не случилось вкушать до сих пор.

Увидав, как вдали эти двое брели,
Превращаясь в друзей неразлучных,
Боцман крикнул: «Награды
Иной нам не надо
За труды в этом плаванье скучном!»

Не сумеете дружбу вы крепче найти
Той, связавшей Бобра и Бойца:
В зной и стужу им было всегда по пути,
И согласно стучали сердца.

И когда возникал между ними раздор –
Как случается в сумрачный день, –
Звуки Песни Джубджуба, как ангельский хор,
Прогоняли нависшую тень.

Порыв шестой **Сон Бюрократа**

Искали в наперстках его и в слезах,
Преследуя с вилкой и с пылом,
Грозили, что грянет Финансовый Крах,
Чаруя улыбкой и мылом.

Но уснул Бюрократ, утомленный борьбой
С кружевами бобровой работы,
И увидел воочию тварь пред собой,
За которой пошел на Охоту:

Ему снилось, как в призрачном Высшем суде
Снарк в монокле, багровый от гнева,
Париком потрясал: он свинью защищал,
Обвиненную в бегстве из хлева.

Показания свидетелей были точны –
Факт побега не взять под вопрос;
И Судья толковал им законы страны,
Бормоча мелодично под нос.

Но когда завершил свою речь Прокурор,
Снарк напялил лавровый венец,
И восстал во весь рост, и вещал до тех пор,
Пока всех не запутал вконец

(Хоть Присяжные дело решили давно –
Да, еще до начала процесса;
Как бы Снарк ни старался, они все равно
Не выказывали интереса).

На «Признайте к тому ж...» Снарк отвечал: «Чушь!
И давайте рассудим мы здраво:
Обвиненье, джентльмены, ссылается на
Допотопное ленное право!

Дезертирство, друзья, совершила свинья
Не без помощи, но без подсказки;
Обвиненье ж в банкротстве, замечу вам я, –
Диффамация, враки, побаски!

О побеге – отложим на пару минут:
Хоть огня не бывает без дыма,
Но во всем, что касается платы за труд, –
Наше алиби неколебимо!

Днесь судьба Подзащитного в ваших руках!» –
И, утративши логики нить,
Снарк закончил, кивая Судье впопыхах:
Мол, пора резюме выносить!

Но Судью, что шепнул ему: «Мне никогда
Резюме выносить не случалось!» –
Снарк сейчас же собой заменил без труда,
Чем Присяжных шокировал малость.

И Присяжные дружно махнули рукой
И вердикт выносить не рискнули;
Но опять свою грудь благородный герой
Добровольно подставил под пули.

Снарк вердикт огласил, утопая в слезах
(Он для храбрости рюмочку тяпнул):
«Да, виновна! – сказали Присяжные. – Ах!», –
И рядом опрокинулись на пол.

Приговор, разумеется, Снарк выносил,
Ведь судья был слегка не в себе;
И молчанием публики, что было сил,
Выражала покорность судьбе.

«Три пожизненных срока, – гласил приговор, –
И *затем* десять палок и штраф!»
Зал в восторге кричал, хоть Судья и бурчал
О заметном поправлении прав.

Но Тюремщик сказал: «Приговор, господа,
Вряд ли будет иметь результат:
Ведь мерзавка свинья, не дождавшись суда,
Околела три года назад».

Хлопнув дверью, покинул собрание Судья;
Ну а Снарк подтянул панталоны
И защиту, в которой нуждалась свинья,
Продолжал с громоуханьем и звоном.

Так у снарковых врат грезил наш Бюрократ,
Звон меж тем становился сильнее –
До тех пор, пока спящего не разбудил
Боцман яростной рындой своею.

Порыв седьмой **Судьба Банкира**

Искали в наперстках его и в слезах,
Преследуя с вилкой и с пылом,
Грозили, что грянет Финансовый Крах,
Чаруя улыбкой и мылом.

У Банкира отвага взыграла в груди –
Как нечасто бывает на свете;
И далёко вперед он решился зайти,
Ибо Снарка рассчитывал встретить.

Но пока он в наперстках искал и в слезах,
Брандашмыг прошмыгнул недалече
И беднягу зажал в громогучих зубах,
Припасенных для злоблестной сечи.

Откупался Высоким Процентом Банкир
И манил незаполненным чеком;
Брандашмыг же на пышный настроился пир
И блаженно зажмуривал веки.

Но Банкир был готов громожгучих зубов
Избежать, наплевав на расходы:
Прыгнул вверх, прыгнул вбок, дернул вдоль-поперек –
И на землю упал, как колода!

Тут сбежались друзья на банкировский крик;
Брандашмыг улетучился злобный,
И, ударивши в колокол, Боцман поник:
«Я боялся напасти подобной!»

Да, лиха и груба у Банкира судьба!
Изменился он страшно, ей-Богу:
Даже черный жилет от испытанных бед
Поседел, к изумлению многих.

Он поднялся с земли, не измявши костюм,
Но с гримасой, что ужас наводит:
Эта жуткая мина – след тягостных дум,
Для которых он слов не находит.

Вот он в кресле осел, сжал руками лицо
И завыл, перейдя на фальцет;
В этом вое едва различались слова
Сквозь безумную дробь кастаньет.

«Пусть останется тут – мы на пару минут
Опоздали: спасения нету! –
Гаркнул Боцман, *звения*. – Нам не хватит и дня:
Время Снарка отыскивать где-то!»

Порыв восьмой **Исчезновение**

Искали в наперстках его и в слезах,
Преследуя с вилкой и с пылом,
Грозили, что грянет Финансовый Крах,
Чаруя улыбкой и мылом.

Всех измучила мысль: «Неудача близка!»,
И Бобер поукромней места
Все высматривал – где не ступала нога –
Приподнявшись на кончик хвоста.

Но воскликнул тут Боцман: «Вот Некто кричит!
Он вопит и стенает натужно!
Он руками сучит, он ногами стучит –
Им, наверное, Снарк обнаружен!»

И в восторге команда рванулась туда
(«Ну и шутка!» – Боец произнес),
Где Герой Безымянный, хоть не без труда,
Взгромоздился на скользкий утес.

Он от радости пел, он все выше летел
В дикой скачке по стеблям плюща;
Все топтались на месте и о Снарке известий
Ожидали, душой трепеща.

«Это Снарк!» – вот что каждый из них услышал,
И они прославляли судьбу.
В этот миг охладил ликования накал
Ужасающий вопль: «Это Бу!...»

А затем – тишина! Ожидали до слез,
С замираньем сердечного стука;
Но ни крика, ни стопа им Бриз не принес,
Что звучал бы похоже на «...ука!».

Хоть искали при свете они и во тьме,
Не нашли ни следов, ни улики,
Чтоб НАВЕРНО сказать: «Вот то самое ме-
сто, где Булочник Снарка настиг!».

В пике славы, под радостный ропот молвы
Он исчез, не издавши ни звука,
Ибо найденный Снарк *оказался*, увы,
Как обычно случается, Букой.

Пер. Д. В. Жердева